

АНАТОЛИЙ МЕДВЕДЕВ

ЖИЗНЬ МАГА:

ДОЛГ

Анатолий Медведев

Жизнь мага: Долг

«Издательские решения»

Медведев А.

Жизнь мага: Долг / А. Медведев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831818-4

Гол Одан сумел спастись и благодаря удивительному стечению обстоятельств получил шанс начать все заново. Но возможна ли новая жизнь без понимания своего предназначения? И возможно ли вернуть долг судьбе, не наделав новых ошибок?

ISBN 978-5-44-831818-4

© Медведев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Новое лицо	6
Глава 2. Обучение	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жизнь мага: Долг

Анатолий Медведев

© Анатолий Медведев, 2016

ISBN 978-5-4483-1818-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Новое лицо

В какой-то момент меня выкинуло на песчаный пляж, и намертво приколотило к двум камням, так, что море больше не могло волновать меня. Первое, что я услышал, была такая знакомая мне лассонеская речь.

– Тащи, давай, оно еще может пригодиться, видал какое огромное!

– Да, не маленькое. Проклятье, оно воняет словно все отбросы моря!

Голоса были грубые, это были, безусловно, рыбаки, которым я попался на глаза. Зачем им был нужен я, и почему они говорили обо мне как о неодушевленном предмете среднего рода, я на тот момент не понимал.

– Стойте, бездари. Отдайте его мне. Вам что деревья не хватает, что вы из моря его тащите?

Этот голос был уже куда интереснее предыдущих двух – четко поставленный, властный. Это был не начальник порта, и не кто-то кого рыбаки уважали. Это был колдун, ошибиться невозможно.

– Заплати, если хочешь. Ты вроде всегда платишь за вещи, которые тебе нужны.

– Вот мешочек золота, здесь пятьдесят монет. За эти деньги вы мне дотащите его до башни.

Пятьдесят монет, не малые деньги, подумалось мне. Но работорговлей занимались в основном пираты, и я продолжил ломать голову, зачем я потребовался этому человеку. Выговор у него был Лассонесский, с характерными ударными гласными, слегка протяжными.

Меня волоком тащили по камням, причем довольно долго. Во мне начали просыпаться ощущения боли, и я чувствовал, как пятки ноют, от постоянного трения о каменистую дорогу. Чувства вскоре обострились до предела – я все слышал, чувствовал тончайшие запахи, и даже немного запах магии, чувствовал даже грубость человеческих рук, которые волокли меня. Это состояние меня раздражало еще больше, чем безвольное плавание по морю, и бесконечные крики чаек. Меня дотащили до башни, и безжалостно кинули на камни, отчего я невольно вскрикнул.

– Кто кричал?

– Это что, бревно кричало?

До меня не сразу дошло, что это была первая удачная попытка хоть как-то пошевелить мышцами или издать какой-то звук. Но как я не пытался, повторить это у меня не получалось. Я понял, что по какой-то причине имею форму бревна. Двое, что меня тащили, в панике побежали обратно, и им в след доносился радостный смех колдуна.

– Ну что, мой неумелый чародей, надеюсь, вы уже проснулись, и слышите, что я говорю. Жаль, я не могу узнать вашего имени, но меня зовут Ког. Я житель этой башни, которую вы, наверное, скоро сможете увидеть. Прошу вас.

С этими словами он взял меня в охапку и потащил куда-то, а куда, я не видел. Нужно признать, что сила в нем была невероятная – двое мужиков едва тащили меня волоком, а он вот так взял, и понес меня по лестнице вверх. С каждой ступенькой запах магии вытеснял все остальные ощущения, и я мог чувствовать только ее.

– Вот так будет лучше. Попробуйте что-нибудь сказать.

Я честно попытался, но получилось невнятное мычание.

– Замечательно. Я слышу, вы очень хорошо стараетесь. Через пару деньков Ваш прекрасный голос озарит стены этой мрачной комнаты. А пока тренируетесь в извлечении звуков из своего одеревеневшего тела, решите один важный вопрос. Сможете ли вы оплатить работу мастера, что сделает из бревна человека? Это важно. Ведь из дерева вы должны превратиться в человека, а это весьма сложно сделать без посторонней помощи.

Что мне оставалось? Я хотел скульптора, что бы порвать с прежней жизнью, и изменение внешности мне могло сильно помочь в этом. Но где мне было взять деньги на это, я не знал.

Спустя двое суток непрерывных попыток у меня начало получаться выговаривать слова. По ночам колдун кидал в меня подушками, что бы я прекратил мычать, но мне очень нужно было с ним поговорить, и я не прекращал стараться. И утром третьего дня у меня начало получаться говорить по слогам, а затем и еще лучше.

– Ну, мой неопытный колдун, скоро вы мне расскажете, какое идиотство подвигло вас превратиться в бревно.

– Я не спец... ально. – слово было трудное и мне пришлось разделить его на две части.

– М-м. Вам приснилось, что вы дерево, а проснулись вы уже в таком плачевном состоянии? Или вы купались и хотели продемонстрировать своим товарищам свою непотопляемость?

– Скорее второе. Но не совсем так, – никакого выражения в моих словах не было, они были произнесены монотонно и размеренно, поскольку каждый звук давался мне с трудом. – Где я?

– Знаешь, все те, кого я захватил в плен в бессознательном состоянии, задавали мне именно этот вопрос в первую очередь. Глупо донельзя. Какая разница – главное ты жив, и добрый Ког позаботится о тебе.

– Это радует.

– Не слишком радостный голосок, но учитывая, что у тебя нет рта, очень даже ничего.

– Ког, я тебя не вижу.

– Конечно, потому что у тебя нет глаз. То, что ты разговариваешь, это магический нонсенс. Есть существа, которые могут производить организованные звуки, не используя голосовых связок. Но вот с глазами так не получается. Ты можешь ощущать меня, слышать мои шаги, но пока у тебя нет глаз – увы, не получится увидеть огромное пятно от штара на моем любимом желтом балахоне. Так что я надеюсь, что когда ты сможешь видеть, я уже смогу его отстирать, – он помолчал немного, словно задумался, – Ты какого пола?

Я сначала не понял вопроса, поскольку никогда не возникало необходимости на него отвечать – все и так всё видели.

– Ты не подумай, я слышу, что голос мужской. Но, учитывая, что голосовых связок нет, то и произношение может быть любым.

– Я парень.

– Это хорошо. Не люблю колдуний, которые превращают себя в бревна, это, по-моему, совсем глупо. Вот мужик как дерево, это еще ничего, но если женщина, то пиши пропало.

– Ког, ты можешь пригласить скульптора?

– Я бы и так это сделал, только объясни ситуацию со своей платежеспособностью.

– У меня нет денег.

– Это хорошо. То есть плохо.

– Ког, я обещаю, что смогу отдать деньги за работу скульптора. Только не сразу.

– Пользуешься своей беспомощностью и добротой дядюшки Кога. Я, пожалуй, оплачу работу по твоему телу. Скажи, но чем тебе не нравится существовать в виде дерева? Если у тебя есть какие-то дела в этой жизни и ты торопишься завершить их, то...

– Дело не в спешке. Я хочу изменить собственную внешность. Ведь это возможно?

– Я бы сказал, вероятность того, что скульптор вырежет тебе такое лицо, какое у тебя было, очень мала, так что не переживай. Но какая трагедия в жизни заставила тебя изменить сущность? Я чувствую, что ты чего-то не хочешь рассказывать. Я не стану приглашать мастера, пока ты мне всего не расскажешь.

– Хорошо. Но эта история... Как тебе сказать... Не логична.

И я стал лгать, почти на каждом слове. У меня все получалось как-то само собой – я прибыл в Кальгон, где бесплатно сел на «Коготь», сумел спастись из лап чудовища, Дошел

до Турентула пешком. Затем сумел наняться на «Возмездие», которое без приключений направилось в Драгорию, на помощь бунтовщикам, но нашло их поверженными. Вместе с некоторыми из людей Калгрениэр мы выбрались из Хайринта, и направились мстить Калентренору, который и сбросил меня с мыса Хайнетл.

– Что и говорить, лгать вы не умеете совсем, хотя часть рассказа верна. Я знаю про речное проклятие, знаю про шхуну «Возмездие», хоть и не понимаю, как вам удалось наняться на нее без рекомендаций. Знаю так же и про восстание в Драгории. Скажу вам, что шхуна «Возмездие» месяц назад причалила на западе острова Ласса, и привезла с собой более пятисот человек, что рассеялись по деревням и селам вблизи Наторнета. Только мне не нужна половинчатая правда.

– Я не могу рассказать всего, поскольку... это уже не имеет значения.

– Назови мне хоть имя, о то я не знаю, как мне обращаться к тебе.

– Гол Одан, – ответил я, а подумав, добавил, – но теперь меня будут звать Эсториоф.

– Вот и хорошо, часть рассказа становится понятной сразу, как вы сказали имя. Вы, в некотором роде, известны. В определенных кругах.

– То есть ты работаешь на короля, – тогда все внутри моего деревянного тела сжалось, я страшно испугался, что прошлое вновь вернется. Я был уверен, что если мое имя узнает король, то сопоставить несколько фактов будет несложно, и меня тут же казнят. Но самое страшное, это будет смотреть в глаза Агетеру Кальгону, которого я предал, и дочь которого не смог уберечь от смерти.

– Да, в некотором роде. Все мы работаем на короля, а король работает на нас. Две равные по силе структуры – страна и ее король.

– Нет, я не про это, – я уже почувствовал, что не дает магии в стенах вырваться наружу. Это были горсти земли, аккуратно разложенные около стен этой комнаты, – ты придворный маг. И Арна Кальгон спрашивала твоего совета о том, как усмирить магическую силу, не дать ей порвать меня на части.

– Да, действительно. Ты оказался очень смышленным даже в деревянном состоянии. То есть эта нахальная девчонка решила использовать тебя в своих целях?

– Не говори так. Она мертва.

– Я все думал, когда же она выберет себе противника не по зубам. И этим противником оказался Калентренор? М... Жаль. Королевская династия Эстеров Смелых, я боюсь, прервана. Но что самое интересное – ведь... в свое время Калентренор успел весьма сильно насолить роду Кальгон. Это было еще во времена...

– Подожди. Я хочу взять с тебя слово, что ты никому не расскажешь о моем прошлом. Гола Одана больше нет.

– Понимаешь ли, Имя, которое тебе дали при рождении, это не просто набор букв. Конечно, молодежь мало знакома с языком древних. Но даже в буквальном смысле твое имя это еще не все. Чтобы уничтожить имя, нужно уничтожить дух. Эсториоф красивое прозвище, и если ты его сам себе придумал, то ты, должно быть, знаешь диалекты второй эпохи. Сверкающий меч.

У тебя не получится до конца порвать с прошлым, до тех пор, пока ты не выяснишь некоторых очень важных вещей, и не найдешь новый смысл жить. Просто влачить существование это настолько глупо, что пиши пропало. А ты не глуп, поэтому подумай хорошенько, чего ты хочешь от своей новой жизни. И смотри, что бы в ней не участвовали персонажи прошлого. Что? Остается только уехать в маленькую деревеньку и копать грядки. Например, куда-нибудь в центр острова, что-нибудь вроде Шарла?

Меня словно молнией ударило. Как глупо, человек наугад сказал деревню, откуда я родом. Или он может видеть, что твориться в моей голове?

– Более того, тебе придется забыть, кто твои родители. Забыть о служении богам, поскольку боги даровали нам память, и при каждой молитве будешь вспоминать куски своей жизни. Придется больше никогда не видеть своей стихии, моря, потому что оно будет навевать хорошие и плохие воспоминания об абордаже, и знаменитом ныне мертвом пирате из Ширинского моря. Послушай, мой дорогой мальчик, если хочешь найти смысл в жизни, попробуй исправить то, что делал не так. И все будет хорошо. Как говорил Волрон творец – делай, что должен, и будь что будет.

– Я знаю, что мне нужно. Я должен поступить на королевскую службу.

– По-моему, ты меня не совсем понял. Как говорят уже произошедшие с тобой вещи, казарменная муштра не для тебя.

– Хочу быть магом, – я уже настолько рвался в бой, что покачнулся и с грохотом рухнул на пол, из чего я сделал вывод, что был прислонен к стене.

– О, я вижу, что ты мечтаешь исправить ситуацию с дезертирством? Похвально. Я рад, что ты осознаешь свой поступок как предательство. Только прошу тебя, не ставь себе в вину смерть принцессы.

– Когда приедет скульптор?

– Вообще моя башня находится в не самом доступном месте, и добраться сюда сложно. Поэтому я повезу тебя в Аброт. Ох, ну и цены же в этом городе, ну просто сборище воров, но есть у меня там одна хорошая знакомая, которая может сбавить цену, если я очень попрошу.

– Я все верну.

– Вернешь – хорошо, не вернешь – и ладно. В конце концов, могу я иногда делать добрые дела просто так?

– А что здесь делали мужики, которые дотащили меня до башни?

– Ну скажем так – эти живут в деревушке Браз, которая находится сразу через пролив Мейзера. Здесь они периодически ловят рыбу, чтобы их не трогал деревенский староста, а то он взъелся на них за что-то, уж не знаю за что.

– Значит мы на острове Керза?

– Да, и я тебе скажу, что лучшего места нет во всем Неллионе.

В связи с отсутствием зрения, не могу судить, сколько времени прошло до того момента, как Ког снарядил лодку и не отправился в Аброт. Чтоб не таскаться зазря с бревном по городу, он быстро снял номер в самой дорогой гостинице, оставил меня там, зачем-то запер на ключ, и отправился на поиски скульптора. Судя по всему, Ког знал, где найти нужного человека, и вернулся довольно скоро.

– Вот он. Сруб Драгорийского синего дерева, известного как Гра. несколько лет плавал по морю. Думаю, что из него должна выйти неплохая статуя.

– Дорогая работа. Ког, в последний раз тебе пришлось выплачивать долг за свои амулеты целый год – ответил колдуну женский голос.

– Шесси, я могу заплатить сейчас. У меня, на данный момент весьма и весьма много денег.

– Зачем тебе это нужно? Опять твои магические причуды?

– Шесси, дорогая. Назови цену, за которую ты готова вырезать из этого куска дерева то, что я просил. При этом, прервав все свои заказы.

– Шестьсот.

– Так мало?

– Шесть сот слитков инголдийского золота. Я ведь знаю, что именно столько хранилось в кургане Хастарига, а совсем недавно ты рассказывал о том, как ловко сумел оттуда выбраться. Затупись мой нож, если ты оттуда ушел без этих сокровищ.

– Там было всего пятьсот тридцать четыре слитка. Может, на том и сойдемся?

– Ког, неужели ты готов отдать за какую-то статую такие деньги? Принцессы будут воплощать на нем свои... ммм... фантазии?

Повисла неловкая пауза, меня так и подмывало наругать, но я сдержался.

– У короля нет дочерей, так что эту забаву оставим для принцев, – ответил Ког, – скажу просто, это одна из самых важных вещей в моей жизни. И только тебе я могу доверить вырезать человека, неотличимого от живого.

– И как он должен выглядеть? Или ты доверяешь моим вкусам?

– Как тебе сказать. Я бы хотел, что бы он был коренастым, с немного более длинными руками, чем обычно, и главное – длинные сильные пальцы. Все остальное, в общем, не так важно. Да, очень важно, чтобы глаза были вырезаны особенно тщательно, а вместо глазных яблок должны быть пустоты.

– Нет проблем. Приходи через месяц.

Так я попал к этой странной женщине скульптору. Непосредственно к вырезке моего тела она приступила лишь спустя два дня, видимо, занималась эскизами. Шесси даже не подозревала, что нужно Когу, а даже если догадывалась об этом, то ей это было не интересно. Как это ни странно, боли от прикосновений ее ножа я не чувствовал, лишь приятное покалывание. Она постоянно что-то напевала, когда работала, и прерывалась только на обед и сон, и каждый раз, когда она откладывала нож в сторону, перед тем как лечь спать, она гладила меня руками, мягко и нежно, как мать может ласкать своего ребенка. Безусловно, в ее пальцах была магия. Но не такая, которая была во мне, или Коге, или погибшем в подземельях Калентренора Ире. Это была простое, теплое, нежное волшебство любви к своему делу и творению, магия благословения Семи великих на то, чтобы она трудилась, принося своим трудом добро, в высшем понимании этого слова. Она была тем человеком, который, безусловно, идеально нашел свое место в жизни.

Каждый день она усердно молилась – перед работой и перед сном. Меня поразило это, ведь, не смотря на усталость или порезанные пальцы, или на то, что к ней в мастерскую ломились люди с новыми заказами, она ни разу не забывала о боге. И за то время, которое я провел в ее теплых руках, я проникся к ней невероятным уважением и любовью. Если бы боги распорядились со мной так же как с ней, я был бы куда более счастлив, чем сейчас, когда я оказался без тела, без возлюбленной, без любимого занятия. Только теперь я понял, откуда взялась та безнадежность, с которой я провел так много времени, плывая по морям. Просто я не умею ничего делать, кроме как сражаться. Да и сражаться, как показала практика у меня не очень-то и выходит. И если Шесси – творец, то я всего лишь животное, умеющее драться. Животное, которое должно было умереть еще в детстве, но благодаря удачному стечению обстоятельств, словно приобрело иммунитет к смерти.

– Ну, милый, каков ты у нас получился? Нет, дорогой, шрам на груди тебе ни чему. Толон всемогущий, что это? Как это попало так глубоко в древесину?

Ее манера разговаривать с собой меня увлекала, было ощущение, что она общается с живым человеком, вырезая из дерева свой идеал. Но в этой фразе содержалось не просто разговор с творением – она что-то нашла во мне, что-то, чего не бывает в обычном драгорийском синем дереве. Это меня взбудоражило, и я, не видя происходящего, качнулся вперед, и с невероятным грохотом упал.

– Дурачок, что ты делаешь? Ты решил лишиться моей зарплаты? Хотя, что с деревом Гра будет? Лучше, чем падать, скажи, что в тебе делает этот металлический флажок? Он словно был приколот к твоей одежде... – она подняла меня и любовно погладила место, где нашла эту заколку.

Я не сразу вспомнил, откуда она у меня, а когда покопался в глубинных подземельях памяти, вместо мыслей, одолевающих меня и день и ночь, меня накрыли воспоминания. Ну

конечно, этот флажок с экзамена по военной тактике. Он, вечно приколотый у меня на груди, вновь вручил мне в руки то, от чего я отрекся.

– Когда я буду сдавать работу, то флажок оставлю себе. Будет что-то на память.

Как мне хотелось заговорить с ней, рассказать, что со мной произошло, хотелось увидеть ее. Но глаз у меня не было, были только ощущения, а говорить мне Ког запретил. И в тот момент я вновь смог заглянуть за грань. Нет, я не обрел глаз в понимании слепца, который мечтает прозреть. Я всего лишь увидел магические потоки – но этого было достаточно, что бы понять, как выглядит Шесси. На вид ей было около тридцати, круглое лицо, обрамленное платком, видимо, чтобы деревянная стружка не попадала в волосы, живые глаза, и светящиеся от магии руки. Я вдохнул запах, потоки энергии направились в меня, и я выпал из-за грани. От разочарования в краткости этого момента мне захотелось плакать, а было нечем.

Эти дни моей жизни я чувствовал себя, словно лежу в колыбели с завязанными глазами, ощущая мир, как уже взрослый человек. С одной стороны это было ужасно – по прибытии в столицу острова, я привык к самостоятельной жизни, и даже в академии из нас готовили людей, которые подчиняются только приказам короля, и должны были сами принимать правильные решения в трудный момент. Но если заглянуть с другой стороны, это словно возвращение в детство – тебя ласкают, гладят, любят. Никаких сложных решений и крутых поворотов в жизни, никакого вранья, поскольку нет ситуации, в которой оно могло понадобиться. Все предельно просто – творец и его творение. И эта беззаботная жизнь мне даже чем-то нравилась.

Так прошел месяц, и я это знал только потому, что Шесси отмечала дни работы, и постоянно разговаривала с собой. И больше всего мне нравилось, то, что я мог знать когда время вставать, когда время спать, и вошел вместе с Шесси во временной режим.

– Ну вот и все, милый, пора тебя отдавать. Знаешь, я часто привязываюсь к своим творениям, будь то амулет, или рама для картины. Но к тебе почему-то у меня особенное отношение.

О том, что пришел Ког я узнал несколько раньше Шесси, золото, которое он привез пахло темной магией настолько сильно, что будь я в своем обычном состоянии, задохнулся бы. Больше всего на свете я мечтал о том, чтобы Шесси не взяла это золото, и, словно прочитав мои мысли, она отказалась от гонорара.

– Будем считать, что я тебе подарила... его. Да, и еще, я нашла внутри древесины флажок... Можно, я заберу его себе? Ведь он вряд ли пригодится тебе в магических экспериментах?

– Бери, а золото, раз ты от него отказываешься, будет храниться у меня. Я даже не знаю как отплатить тебе за ту работу, что ты проделала. Заходи ко мне, если будут неприятности, и я, может, смогу отдать тебе то, что должен.

Ког взял меня, положил на плечо, словно я ничего не весил, и понес прочь из Аброта, которого я так и не увидел, целый месяц, пробыв в нем.

На этот раз колдун не стал держать меня в тепле и сухости, а сразу затащил на верхнюю площадку башни, где и закрепил цепями. У меня появились нехорошие подозрения, что с помощью этих цепей он обычно держит здесь далеко не деревянных людей, а самых, что ни на есть, настоящих.

На третий день моего невероятно скучного пребывания на свежем воздухе пошел дождик, и Ког впервые за это время посетил меня.

– Ну, наконец-то! – Маг был крайне взволнован, и его голос совершенно потерял привычные язвительные нотки, – мне удалось вызвать настоящую грозу. Долго же пришлось помаяться, в месяц тайн дождя не допросишься!

– Подожди, я не хочу, что бы в меня била молния, я же сгорю!

– Это пришлось бы делать в любом случае. Нам нужна энергия. Где ее, по-твоему, взять? Молния – отличная возможность сделать то, что я хочу. Сейчас, подожди. Тебе повезло, что ты не видишь того, что я делаю. Но я тебе расскажу, потому что ты неминуемо станешь моим

учеником, а такие вещи знать надо. Я сейчас держу в руках два глаза. Мне пришлось вырвать их у одного из моих пленников, а его, из жалости, убить, но это не так важно. Важно то, что в момент превращения эти глаза станут твоими, должны будут приобрести цвет, структуру, магические свойства твоих собственных глаз. По крайней мере, так написано в книге Гартона второго.

– Ког?

– Да, я внимательно слушаю.

– Я понимаю, что мой вопрос звучит глупо, но ты делаешь это впервые?

– Что конкретно? Вставляю чужие глаза? Нет, что ты. Я экспериментировал с некоторыми людьми, вставлял им глаза животных, но у меня ничего не вышло.

– Нет, я не совсем это хотел спросить. Скажи, ты впервые делаешь из дерева человека?

– Ну, оживить неодушевленное очень просто, я бы сказал, что эта магия крайне примитивна, и заставить тебя плясать я бы мог и не прибегая к таким сложным процессам. С тобой дело обстоит иначе. Такой шанс для мага выпадает один раз в жизни, а зачастую никогда не выпадает. Ты просто не представляешь, что значит получить в ученики чистую магическую сущность, будь она в форме дерева или камня. Поэтому я отдал тебя Шесси. Я знал, что только она может справиться с подобной работой.

– То есть ты не знаешь, как это делать?

– Что значит «не знаю»? У меня есть книга, причем подлинник первой эпохи, то есть она была написана еще до прихода Толона. Она содержит все необходимые указания, правда по поводу каменной сущности. Но ты почему-то превратился в дерево. Интересно, почему?

– Наверное, потому, что мне нужно было плавать даже в таком состоянии.

– Весомый аргумент. Но это не мешало тебе превратиться в камень. Ты бы утонул, а спустя лет пятьсот тебя непременно кто-нибудь вытащил.

– Кто-нибудь, но не ты.

– Это интересные рассуждения. Похвально, что ты так думаешь. Ну, в общем, отвечая на твой вопрос, скажу следующее: ты считаешь меня теоретиком, а я практик. Если бы я не был уверен в знании, которое здесь изложено, я бы никогда не догадался, ты ли передо мной, и не приказал бы доставить тебя в башню.

– Как ты вообще различил во мне что-то иное кроме дерева?

– Сейчас, подожди... Раз и два, прекрасные фиолетовые глаза Шана Орегонтрондского. Знаешь, я сначала хотел вставить тебе женские глаза, у меня еще оставалось несколько пар, но где-то вычитал, что они могут хуже структурироваться. Вообще глаза, это самое интересное, если вставить разные...

– Ты не ответил на мой вопрос.

– ... то в магии человека будут бороться две сущности и вскоре он умрет. Вообще, Эсто-риоф, если в твоём распоряжении будут пленники, чью жизнь ты не будешь ценить, вырывай у них глаза, и клади их в банку с вываренным маслом горрианка. Когда в твоём владении столько носителей энергии, ты можешь ставить феноменальные эксперименты.

– Ког, я задал тебе вопрос. Как ты узнал, что я не дерево?

– А если продолжать тему магически важных вещей, неплохо иметь кости запястья, и вообще всей руки. Конечно, многие заявят, что это пахнет неуважением к мертвецам, но ведь врачи вскрывают трупы, чтобы узнать устройство тела, и художники тоже...

Я понял, что не дожусь ответа, и прекратил попытки узнать, в чем именно было дело. Ког бегал вокруг меня, судя по звукам что-то чертил мелом на мокрой каменной площадке. Пару раз споткнувшись о цепи, которыми я был прикован к башне, он выругался так, как даже на «Дрянной принцессе» никто не выражался, а пираты вообще народ, любящий всякую брань.

Вскоре я почувствовал, как усиливается ветер. Ког прекратил говорить и только ускорил действия по приготовлению сложного ритуала. Он дважды обливал меня холодной водой, два-

жды кипятком, потом обмотал меня какими-то нитями, приговаривая какие-то заклинания. Вскоре ветер усилился невозможно, и Ког несколько раз вовсе валился с ног от неожиданных порывов, и брань с каждым разом становилась все более сложной и изощренной. С разных сторон доносились отголоски грома.

– Сейчас мой мальчик, сейчас, осталось немного. Такого ветра давно не было, неправда ли? Надеюсь, что вблизи нашего острова не оказалось неосмотрительных капитанов! – Ког рассмеялся, словно разбойник, чувствующий приближение наживы, – Да, и я забыл тебе сказать, молния будет бить не в тебя, а в меня! Я должен буду передать ее энергию уже в магическом виде, и если мне не хватит мастерства, мы оба умрем! Но я знаю, что это прекрасно, умереть, пытаюсь сотворить жизнь, обуздать магию, доказать, что секреты не утеряны глубоко в первой эпохе, что колдуны не стали слабее или глупее, а их ученики не прекращают превращаться в непонятно что, не умея совладать с силой! Знаешь, я даже позволю себе одну вольность, такую, от которой эта книжка истлеет. Твоя магия создала меч, который я нашел воткнутом в тебя. Меч, чье имя ты себе присвоил, Эсториоф, и я использую его, что бы влить в тебя жизнь! Смотри, Миста, и благословляй нас на это сложное дело!

Меня качало из стороны в сторону, от ветра, цепи звенели, и все это напоминало конец света, описанный по окончанию третьей эпохи, когда порвались цепи Агаша, и земля разошлась по воде, создав те материки, которые сейчас есть. Наши цепи пока держались, но с большим трудом. Ког мне чуть позже рассказал, что в его руках был стакан с главным варевом, которое в момент удара молнии он должен был выплеснуть на меня. Собственно так и должна была происходить передача живительной магии в мое тело, но Ког почему-то испугался. После первой молнии ничего не произошло, и я услышал, как колдун перекувырнулся, увертываясь от молнии, которая попала в одну из пяти цепей, от чего последняя разлетелась на звенья, и я сильно накренился.

– Проклятье в чем дело, Ког?

– Все в порядке, я еще ничего не упустил. Это не так просто, имея возможность вернуться, подставиться под молнию! Сейчас!

Вторая молния не потребовала от моего будущего учителя способностей в акробатике, поскольку ударила с другой стороны площадки, разбив еще одну цепь, отчего я совсем потерял равновесие.

– Сейчас, сейчас. Нужно подождать. Это какие-то неправильные молнии. Ты должен был уже превратиться в пепел, поскольку молнии все равно, где путешествовать, по воздуху или по металлу!

Я почувствовал на себе вязкую жидкость, лезвие Эсториофа, и невероятную силу, идущую в меня. Уже через мгновение я открыл глаза, и обнаружил себя совершенно голым, лежащим на мокрой, холодной смотровой площадке. Надо мной стоял высокий мужчина с аккуратно постриженной седой бородой и смеющимися глазами, с разбитым стаканом в одной руке, и Эсториофом в другой. Где-то над нами раздался тяжелый раскат грома.

– Ну что Эсториоф, Мне кажется, нам нужно обсудить некоторые вещи, – сказал колдун, когда мы спустились вниз, в его лабораторию.

Вопреки моим ожиданиям, основанным на словах Кога, комната не оказалась мрачной. Я с легкостью нашел место, где я стоял до этого – угол, образованный книжным шкафом, ухидившим в потолок, и стеной. Здесь вообще было немного участков стены, видимых из-под всевозможных полок, на полках которых далеко не всегда можно было найти книги. На некоторых шкафах стояли склянки с цветными жидкостями или какими-то странными субстанциями, вроде икры какой-нибудь особенно глубоководной рыбы, полки других были сверху донизу набиты кристаллами и камнями. Под потолком было не мало паутин, а в центре комнаты стояло сложное стеклянное устройство из трубок и колб, в нем кипели остатки какого-то зелья.

– Что именно ты хочешь обсуждать? Если оплату...

– Нет, ты ведь слышал, что Шесс отказалась брать деньги? Я хочу, что бы отдал мне долг не за это, а скорее за тот сложный ритуал, который привел тебя в чувство. Ты станешь моим учеником.

– Я согласен. Подумай, Ког, что мне еще делать? Я хочу порвать с прошлым, и хочу стать магом. По моему ты предлагаешь мне новую жизнь на блюдечке, и почему я должен отказываться?

Ког широко улыбнулся, и поставил руки на стол, приняв угрожающую позу.

– Тогда ты должен знать, чем я тут занимаюсь. Я не просто придворный маг, подчиняющийся королю. Я один из верховных магов острова, подробнее об этом ты сможешь узнать, когда я представлю тебя совету.

– Совет магов?

– Только девять самых сильных из них. Все они – главы гильдий или школ магии, личные маги высших доринов. Каждый верховный маг может учить магии, но только малой ее части. У каждого верховного мага может быть только один преемник, его абсолютный ученик, которому он отдаст все свои знания. Я думаю, что много ума не надо, чтобы сообразить зачем нужны эти ограничения, мы пытаемся держать мир в равновесии.

– Но почему именно я?

– Когда ты обучишься личной магии, совет испытает тебя и решит, можешь ли ты быть моим преемником.

Я понял, что вопрос повторять бесполезно – Если Ког не хочет на него отвечать, он не ответит.

Мы спускались по лестнице, и я к своему удивлению обнаружил, что в башне не два и не три этажа, а целых девять, причем если верхние три представляли из себя круглые помещения, то все остальные делились на разные комнаты, а в основании, где башня была особенно широка, был целый зал. Но ни один из этих этажей не мог сравниться с лабораторией, все они больше напоминали обыкновенные жилые помещения, хоть и различающиеся между собой. Все в этой башне говорило – тут должен жить не один человек, а целый отряд таких магов, как Ког.

– Я знаю, о чем ты думаешь – на кой мне это все сдалось? Я отвечу – во-первых, тут живет моя дочь, а во-вторых, очень удобно иметь в своем распоряжении не одно, а сразу несколько помещений. Каждая из комнат по-своему задействована. Вот, например, на пятом этаже два помещения состояния – воды и огня, а этажом ниже – земли и воздуха. Четыре основные стихии, без них любой маг теряет часть своего могущества. Каждый уважающий себя колдун в первую очередь делает себе лабораторию для опытов, во вторую – такие комнаты, ведь именно там он подкрепляет свою стихийную мощь. Потом уже начинается сбор библиотеки, обустройство элементарного комфорта. Не подумай только, что эту башню я строил сам. Скажу тебе, честно, никто не знает, кто воздвиг это великолепное строение, но это был гений. Некоторые считают, что название Елейхао принадлежит Ихару, и я не вижу причин спорить с этим утверждением, но, изучая свитки того времени, я нашел очень интересное замечание. Елейхао означает на диалекте Ихару – Найденное прибежище. Уверен, что он всего лишь нашел это место, и, по своей глупой привычке украсил все в округе невероятными прибрежными пейзажами. Сразу как маги перестали грызться между собой, эта башня стала оплотом сильнейшего из них.

Мы спустились еще ниже первого этажа, в подвалы башни, где все было изрыто в сложный лабиринт, убранный в камень.

– Каждый уважающий себя чародей, если у него уже есть лаборатория, комнаты состояния, хранилище, библиотека, достаток, автоматически получает массу завистников, которые очень скоро превращаются в его кровных врагов, и я не сумел избежать этой участи. А, как

известно, каждый, кто обладает могуществом и врагами, должен иметь темницу. Убивать врагов – занятие бесполезное, ведь все они могут пригодиться в еще живом состоянии.

– Ты рассуждаешь о людях так, словно они твои игрушки. Незачем выбрасывать старую, чем больше игрушек, тем интереснее играть.

– Ты не прав. Все мои пленники, это либо люди, которые угрожают королевству, либо люди, которые совершили непростительные преступления, либо те, кто пытался убить меня, что я приравниваю к последнему. Скажу больше – большинство из них живет весьма неплохо. Конечно, они несколько ограничены в передвижениях, но что же поделать – если им дать свободу они снова будут пытаться убить меня и рано или поздно пиши пропало.

– Но они же люди. Какие никакие, плохие или хорошие... а ты ставишь над ними эксперименты ради забавы.

– И вновь ты не прав. Ни один человек не станет ради забавы мучить другого, если он не маньяк и не относится к какому-нибудь культу. С помощью полученных мной знаний я делаю новые открытия в магии и целении. Ты даже не представляешь, сколько всего мне удалось понять, изучая их. Ты знаешь, на свободе они были бы преступниками, а здесь отдают жизни во благо других людей, пусть и не совсем по своей воле. Посмотри сюда, направо, видишь маленькую дырочку? Это комната одного убийцы. Он был весьма обижен на меня за что-то и решил напасть, когда я спал. Это было не честно, поэтому я не оставил ему шансов на побег, замуравив эту дверь. Периодически моя дочь дает ему еду, но на него я особенно зол – никакого кодекса чести, бесстыдно убить спящего старика...

– Он там жив? И как вообще туда попадает еда?

– Не советую смотреть в дырку, уверен, что он попробует ударить тебя пальцем в глаз, по крайней мере, меня пробовал. А по поводу еды – внизу есть щель, можно подсунуть тарелку, но руки не желательно, он наверняка попытается наступить на них своими металлическими сапогами. О, а вот здесь раньше сидел хозяин твоих новых глаз, Шан Орегонтрондский.

– Он тоже пытался тебя убить?

– Хуже, он пытался убить короля, причем совсем недавно. Я едва обнаружил эту верхушку заговора, но, как только был пойман один, остальные сразу ушли на дно. Кто-то очень хочет смены власти на острове Ласса, и этот кто-то имеет доступ во дворец. Этого было бесполезно допрашивать, он совершил паломничество к алтарю Мисты, а как известно, любое паломничество приводит нас к необъяснимым изменениям в организме, и он не поддавался ни на пытки ни на уговоры. Именно из-за него на моей мантии теперь красуется пятно от штара – этот идиот зачем-то пнул ногой кружку. Кошмарный был тип, в общем.

– Ты сказал, что не оставил шансов на побег тому убийце... это значит, что у остальных такой шанс имеется?

– Теоретически да. Я вообще не часто здесь бываю, но каждая клетка заперта на ключ, ключи разбросаны то там то здесь. Шанс маленький, но он есть. Одному вору даже удалось сделать это, но, не обнаружив своей лодки на месте, он сильно удивился! Я решил, что не буду преследовать его, в конце-концов это был обыкновенный аферист, разозливший королевскую семью тем, что выкрал какой-то старинный щит из замка. В общем, безобидный мальчик.

Мы вышли из первого зала темниц, и вошли в узкий коридор, откуда к нам тянулись жадные руки, хватали за одежду.

– Не обращай внимания. Это самые обыкновенные преступники, в них совершенно нет ничего выдающегося. Вот дальше у меня сидит один такой, просто закачаешься! Я его держу здесь, хотя он ничего никому не сделал! Но он хуже, чем все эти злодеи вместе взятые. Вот – посмотри!

В окошко тяжелой двери был виден субтильный человек, нервно ходящий из стороны в сторону.

– Удивительный ум. Он придумал новую форму правления! Он решил, что король должен выбираться народом, нет, ты только подумай! Король, которого сам Основатель благословил на правление, должен выбираться народом, массой людей, которые не представляют, кого они выбирают!

– Ты осветил его камеру, поставил туда стол, с чернильницей и пером. Но он только ходит из стороны в сторону.

– Он размышляет. Поверь Гол, в день он пишет с десятков страниц своих невероятных глупостей. Я отрубил ему правую руку, но он быстро научился писать левой. Надо бы сжечь его труды, а то еще выкрадет кто, прочитает, и пиши пропало.

– Но... за что ты так с ним поступаешь?

– Нам приходится принимать сложные решения. Я уже привык к такому образу жизни – жестоко, но конструкция держится.

– Какая конструкция!?

– Государственная. Его писанина – это разложение умов. Если это пойдет в массы, народ потеряет последний ум от такой идеи, забудет семерых, Основателя, все моральные устои, поскольку перед ними замаячит свобода. А когда они убьют короля, всех кто его окружает, и выберут себе правителя, то поймут, какая это была ошибка, ибо выбранный ими окажется проходимцем из проходимцев, он разграбит страну, проиграет несколько войн и вновь будет убит народом, как когда-то король. Достаточно хотя бы немного знать людей, что бы понять, что для них будет лучше. А лучше быть немножко угнетаемыми, но счастливыми, чем свободными и несчастными, – Ког говорил не эмоционально, а обычным язвительным тоном, словно удивляясь моей тупости.

– Но с чего ты взял, что свобода принесет несчастье?

– Потому что сейчас мы вроде как вместе, а при свободе каждый сам за себя. А когда твой сосед враг, то значит и брат может оказаться врагом, а семья недоверия, политое дождем свободы, принесет лишь убийство. Помнишь историю о том, как в первой эпохе брат убил брата, и был наказан Атталогом? Помнишь? Вот к чему приведет свобода. Или, например к пиратству. Пираты ищут свободы, а сами торгуют рабами. Не смешно ли? Неллион несправедлив и жесток, но сильные мира сего, вроде королей и верховных магов, должны любыми методами спасать его от разрушения.

Пойдем, покажу сокровищницу. Там есть несколько обыкновенных зеркал, хотя бы увидишь свое новое лицо.

Мы спустились еще ниже, и я был поражен – это были целые катакомбы, просторные и светлые, и повсюду стояли сундуки самого разного толка – одни старые и дырявые, – другие новые, с золочеными крышками, а некоторое добро лежало просто так, на земле – например старинные монеты или самое разнообразное оружие, были даже шкафы с волшебной одеждой.

– Ког, там кто-то есть! Только что пробежал, спрятался за углом.

– Еще один аферист. Каждый год пара тройка человек пытается меня ограбить, но выйти отсюда значительно сложнее, чем войти. У меня тут немало интересного добра, собранного за много лет, но все равно большинство сундуков пустуют. Я ведь не один такой коллекционер.

– А что происходит с грабителями?

– О, все просто, они умирают, если не находят тайного выхода. А потом некоторые жители этого места съедают их. Тут живет несколько существ, которых я сюда поселил. Они никогда не нападают первыми, прячутся до поры до времени, а когда жертва умирает, они приступают к трапезе.

– Но это же бесчеловечно. У тебя такая масса богатств, а люди умирают...

– Если бы они не умирали, то в течение года у меня этих богатств не осталось. На самом деле тут есть выход, но для того, что бы воспользоваться им, нужно уметь неплохо плавать, и долго не дышать.

– Почему ты так жесток? Почему все, что ты говоришь или делаешь, сопряжено с таким количеством смертей?

– Дорогой мой Гол, неужели ты думаешь, что можно иначе? Какая разница, скольких ты убил, важно лишь то, сколько людей ты смог спасти этим. И не думай, что парадоксальность моей фразы делает ее каламбурной. Ведь ты тоже не раз убивал, ради спасения своей собственной жизни.

– Меня зовут Эсториоф, не называй меня иначе.

– Ты не можешь так просто взять и отречься от всего этого, так или иначе это важно, ведь в жизни ничего не бывает просто так, и я буду называть тебя так, как мне покажется нужным – Ког обнял меня за плечи – Когда ты шел за этой взбалмошной принцессой Арной, то не знал что рискуешь жизнью. Ты шел за идеалом и счастьем, именно потому ты жив. А они знают, что совершают не богоугодный поступок с большим риском для своего здоровья. Они знают, что я один из верховных магов. Знают, что я убил многих. Но все равно идут.

– Это не повод лишать их жизни.

– Я не лишаю их шансов на это. Здесь в катакомбах есть и еда, и выход не через темницу. Что им мешает искать? Ничто! Так что давай, забудем эти глупые разговоры.

– Ког, я хочу быть твоим учеником, но я не хочу делать подобные вещи.

– Когда станешь одним из верховных магов, у тебя будет достаточно возможностей самому принимать решения – что делать, а чего не делать. Я очень надеюсь, что ты поймешь – в жизни часто приходится выбирать между злом, и большим злом, причем большее зло, в силу своей величины, лучше маскируется под добро, – Ког замолчал, словно задумался на какое-то время, – Смотри, Эсториоф, ведь в твоей короткой жизни никогда не было возможности увидеть себя со стороны.

Ког перевернул круглое пыльное зеркало в серебряной раме, и я увидел. Лицо, чуть рубленое, но черты идеально ровные, – прямой нос, большие глаза, мощный подбородок. Я был похожей комплекции, что и раньше, но стал чуть крупнее. Идеальное лицо обрамляли крупные темные кудри. Я был похож на героя Аснеса, искореняющего зло, что было в виде двухголовой змеи, по крайней мере, похож на его изображения в книгах.

Вот какое у тебя лицо Эсториоф... я буду это знать...

Глава 2. Обучение

– Ког, что это за жук? У тебя в классификации такого нет.

– Конечно же есть. Просто ты как всегда смотрел только картинки и не читал текста. Это личинка жука-тягача. Когда она вырастает, превращается в большого черно-синего жука. В зельях не используется, принимать ее в пищу только в том случае, если не ел три дня. Если поместить ее в огонь она скукожится и почернеет.

Я откинул ненужное насекомое в сторону и продолжил поиски. Мне нужно было собрать яйца железных жуков, но их нигде не было, как я не старался, заглядывая под каждый лист секулении, где эти жуки должны были спариваться и приносить потомство.

– Гол, вспомни книгу. Иначе ты никогда не найдешь нужный ингредиент. Вспомни что написано на тридцать второй строчке пятидесятой страницы.

– Там написано, что железные жуки всю жизнь живут на секулении, и спариваются, и вылупляются, и жрут ее, в конце концов.

– Нет, там есть пометка на полях.

– Я не помню.

– Гол, давай мыслить логически исходя из написанного в книге текста. Каков период жизни железного жука.

– Он живет только в месяц праха и месяц печали.

– Правильно. А почему эти жуки не живут дальше себе спокойно? Отчего они умирают?

– От того, что отдают все силы на спаривание и откладку яиц, поскольку эти яйца должны пережить весь последующий год.

– А где эти жуки умирают?

– Они заползают в цветок.

– Сейчас какой месяц?

– Печали.

– Это значит, что прошлогодних яиц этих паразитов ты уже не найдешь. Значит, ты ищешь свежие. Подумай, если после откладки яиц эти прекрасные создания лезут в цветок подышать, то на каких растениях будут свежие яйца?

– На цветущих, – я почувствовал себя идиотом, ведь я убил все утро, обыскивая тот сорт секулении, который цветет на месяц позже.

– Сложно было сказать сразу?

– Зато теперь ты будешь внимательнее относиться к алхимии. А также к ряду других наук заодно.

Собрав необходимый ингредиент, мы отправились через весь остров к башне. Конечно, стоит описать прекрасное место, где селились колдуны всех эпох. Ког не лукавил, говоря, что здесь самый прекрасный из климатов, которые только существуют. Здесь было все – и морозные месяцы, и засухи, и тропические дожди. Я не сомневался, что даже если не сам Ког, то чародеи, жившие здесь до него, поработали над этим. По рассказам моего учителя, климат здесь может не меняться в течение года, а потом все равно что-то происходит и он становится другим. Благодаря этому здесь могли существовать любые растения, обитать масса животных, единственных в своем роде. Весь остров словно работал на волшебника, живущего здесь.

На этом клочке суши были еще постройки, помимо башни мага. Здесь была конюшня, в которой обитал одинокий нардарианский скакун, и за ним ухаживал старый Доэн. Раньше он был конюхом короля и лично готовил лошадей для королевской охоты, но стал старым и немощным, и Ког взял его к себе, вместе с любимым конем Доэна – Риданом.

Помимо конюшни на острове стояла сигнальная башня, за которой смотрел сам Ког с помощью системы зеркал. В скале, на которой стояла башня, были вырублены комнаты,

а в них жили несколько человек, ежедневно дежуривших на возвышении, чтобы не проглядеть огонь, идущий из Кальгона или Дрома. Все они были людьми, к магии не имеющие никакого отношения.

Также на восточном берегу острова стоял каменный дом, в котором жила дочь колдуна – Энес. Она и сама была ведьмой, и помогала отцу в экспериментах. За воздушной внешностью этой девушки скрывалась сильная и уверенная в себе волшебница, которая могла дать отпор целому полку вооруженных солдат. Конечно, в сравнении со своим отцом она была слаба, но я бы не решился вступить с ней в схватку, зная, что она умеет. В общем, это была маленькая женская вариация великого Кога. И к людям она относилась точно также как и отец. Энес никогда не обедала с нами. Она всегда верно служила отцу и никому более, а меня, до поры до времени, не замечала вовсе.

Также под покровом земли, глубже всех подземелий, скрывался целый город сырости и морской соли – сложный лабиринт, выточенный самой природой. Здесь Ког беспорядочно разбросал старинные монеты, сломанные сундуки, скелеты неудачливых аферистов, от которых он старательно вычищал свою сокровищницу. По его мнению, от этого здесь становилось романтично. Сюда же он положил несколько действительно волшебных вещей, которыми не пользовался.

– Пусть у некоторых воров будет шанс хоть что-то унести с моего острова, – говаривал он.

– Но ведь никто не знает об этом месте!

– Я знаю. А когда я где-нибудь напиваюсь, я становлюсь очень разговорчивым. Правда, для перестраховки в тавернах я всегда говорю не от своего лица, а то скажешь, и пиши пропало!

А помимо построек, на острове была небольшая река, которая брала исток к северу от башни, и впадала в море за густо покрытым лесом западном побережье, а также бухта, в которой могло бы укрыться любое судно.

Что до животного мира Керза, то нет ничего удивительного в его невероятном разнообразии. Помимо обыкновенных зверей, на которых я охотился в детстве, здесь были великолепные Драгорийские тигры, ингольдийские крокодилы, огромные двуногие птицы, не умеющие летать, быстроногие тимиусы, близкие родственники мышей. Конечно же, больше всего мне полюбились удивительные белки, что научились планировать с дерева на дерево, благодаря перепонкам между лап. Среди насекомых здесь тоже водилось немало интересных экземпляров, например один из них, паук, мог вполне питаться планирующими белками. Были здесь и все возможные виды летающих насекомых, что в дельте реки было невозможно дышать, столько их там было.

Вот таким был тот остров, на котором я оказался. Остров, на котором началось мое обучение волшебству.

Каждое утро я вставал тогда, когда этого требовал Ког. Поначалу я не замечал за этим систему, которая была так проста в гвардейской школе. Но спустя месяц я понял, в чем дело – каждый раз, когда он меня поднимал, светило и обод были в определенном благоприятном положении относительно друг друга. Это позволяло лучше концентрировать энергию внутри себя. Таких вещей стало в моей жизни полным-полно. Теперь ежедневно в момент соединения обода и светила я пил холодный чай, находился в разных комнатах состояния стихий, рисовал на руках магические символы, раскладывал вокруг своей кровати горсти земли – все эти вещи напрямую зависели от времени, когда я их делал, иначе магия владела мной, а не я ей. Очень часто Ког гонял меня по всему острову без всякой цели, до тех пор, пока я не выбивался из сил и не падал от усталости, после чего пил бодрящие зелья, вставал и бежал дальше, кругами, вверх на скалы, вниз к морю, переплывал единственную бухту, а когда уже и бодрящие зелья не помогали, Ког заставлял меня решать магические задачи и пытаться колдовать. Так могло продолжаться несколько дней, после чего учитель непременно заставлял меня драться против

него. Он не раз бил меня так сильно, что я отлетал на пару десятков шагов, но учитель никогда не давал мне возможности покалечиться.

Помимо всего прочего я постоянно изучал классификации всего, что было в магическом ремесле, а потом был обязан наизусть их пересказывать своему учителю. Если я что-то забывал, Ког заставлял меня делать самую неприятную работу, например, убирать навоз в конюшнях, или еще что-нибудь в этом роде.

Магия делилась на две большие части. Первой шла магия мировая, которая есть повсюду. Это так называем Гигантский Ковш, из которого мы черпаем свою энергию и силу. Эта магия стоит над нами и мы ничего не можем с ней поделаться, она, как верный прислужник Агталога, правит миром. А вторая магия – личная, так же делилась на две части – собственная и обрядовая.

Собственное колдовство, может происходить в одном случае – когда маг пользуется сугубо своими силами, не вычерчивая никаких символов под ногами, не собирая вокруг себя двадцать учеников, черпая из них мощь. Собственные чары, это канал связи с гигантским ковшем, откуда берется сила, и если взять слишком много, то можно раскатать ковш, и тогда часть великой магии выльется на землю. Что будет в таком случае – никто толком не знает. Грань разума это исключение из правил собственной магии, хотя бы потому, что взгляд за эту грань требует лишь мастерства и чутья волшебника, а шаги за гранью требуют чудовищной силы, и очень сильно качают ковш, поэтому колдуны, которые могут находиться за гранью неделями, никогда не ступают туда более, чем на пол дня.

Колдовство обрядов, конечно тоже не мало связано с водоемом магии, но далеко не так плотно, и требует скорее мастерства и единения участников, поскольку сила черпается из самих волшебников. Но ритуалы куда коварнее и опаснее личной магии, чтобы использовать эти тайны мира, требуется гораздо больше, нежели просто владение сложными заклинаниями и умение держать в себе энергию – важно уметь не думать о тех чарах, что ты творишь, и растворить свое сознание, в сознании других людей.

Потому Ког приступил к моему обучению с собственного колдовства, а вернее с физической и умственной ее составляющей. Он тренировал мое тело, так, что любой гвардеец мог бы только завидовать такому физическому состоянию. И Ког спокойно бежал рядом со мной, зачитывая мне лекции прямо на ходу. Ког свободно разговаривал о сложнейших проклятьях во время кулачного боя. Ког варил нужные ему зелья одной рукой в тот момент, когда другой отбивал выпады моего меча.

Он заставлял меня отжиматься от земли тысячу раз, подтягиваться на перекладине пять сот раз, и бегать в течение десятка дней к ряду. Он учил меня сражаться на всех типах оружия, но, прежде всего кулаками, драться с завязанными глазами стоя на скованных между собой руках. В какой-то момент он с сарказмом сказал, что мне пора бы научиться прыгать с большой высоты, не превращаясь в дерево. И он раз за разом скидывал меня со своей башни, и, не смотря на мои успехи, был всегда недоволен и язвитель.

Спустя пять месяцев Ког постоянно мне давал поручения допросить того или иного человека, из своих старых пленников, заставлял добывать ингредиенты из человеческого тела. Это было сложно и неприятно, но учитель был безжалостен. Мне было противно, мне казалось все это необязательным, но я убеждал себя, что передо мной преступники, изменники родины, люди которые не имеют права на жизнь, люди, которым Ког дал шанс убежать, но они этот шанс не использовали. Мне казалось это ненормальным, несправедливым, но я себя заставлял, потому что знал – мне не стать магом без этого опыта. Учитель, видя, как я крепну, после месяца этих ужасных пыток и допросов добавил в мое обучение еще и астрономию.

Теперь каждую ночь я должен был наблюдать за небом в телескоп, который Ког вытаскивал на смотровую площадку башни. Это было не так трудно, после того как я целыми ночами бежал по островам. Но ничего из предыдущих занятий не было исключено из моего дневного

и ночного обучения. Я по-прежнему бегал, прыгал, плавал, подтягивался, по-прежнему каждый день отвечал на каверзные вопросы по алхимическим книгам, допрашивал пленников, и еще наблюдал за звездами. Месяцы пролетали незаметно, один за другим, Я становился крепче, умнее и безжалостнее.

– Эсториоф, ты готов выслушать меня? Ты вообще собираешься сегодня просыпаться?

– Конечно, учитель.

– У тебя будет небольшая передышка, а точнее я дам тебе поручение. Какой месяц у нас на календаре? А, месяц любви, – Ког неторопливо сделал затяжку из своей трубки.

– Последний день этого месяца, – вставил я.

– Ну так вот. Я отправлю тебя на северную часть острова Свенны. Там будет ждать один из моих теней Холодного полуострова, добытчик информации. Ты должен получить от него необходимые сведения. Помни условия, при которых ты не имеешь право к нему подходить. Во-первых, он должен будет стоять на кочке, в середине этого болота – в виде засохшего пня. Увидеть его суть ты сможешь, заглянув за грань. Там в этом месте воздух перенасыщен магией, я думаю, ты свободно это сделаешь. Ты должен будешь, находясь в нашем обыкновенном мире, а не за гранью, залезть в дупло пня и вытащить оттуда сверток. Он должен быть испачкан в крови. Если же письмо чисто, ты должен будешь убить стоящего перед тобой человека. И чем быстрее, тем лучше. Полученный свиток принесешь ко мне, я попробую разобраться.

Второе поручение. Если все прошло как надо, ты несешь послание не сюда, а в Дром. Ты должен будешь найти женщину по имени Бленни Грал. Делай что, хочешь – она должна будет прочесть свиток, не заподозрив подставы. Смотри внимательно за ее реакцией. В свитке должна будет содержаться некоторая информация, которая ее взбудоражит. Если она работает на Артанию, то она может быть искусной актрисой. Сумеешь запечатать послание заново, после прочтения, – разрешаю прочитать его. Бленни Грал скорее всего предательница, по моей информации любовница Кернела Горта, управляющего Дрома. Через него она получает немало нужных ей сведений, а потом продает ее своим работодателям, как мне кажется.

Поручение три. Ты должен будешь принять решение, нужна нам Бленни или нет. Если нужна – то ты должен будешь вывезти ее из Дрома так, что и крысы ничего не узнают. Понял?

– Ког. Давай я не буду принимать решений. Я просто ее привезу.

– Нет, это довольно глупо. Я не хочу иметь дело с невиновной женщиной, которая наживается на развращенном градоправителе. А если верхушка заговора именно здесь, то я могу быть не разборчивым в методах, сам понимаешь.

– Хорошо. Только ты не назначил сроков.

– Завтра утром до соединения обода со светилом я должен знать, на тот ли след я напал. Задержки не приветствуются. Используй любые средства, но ты должен успеть вовремя.

К хранилищу, куда я направился сразу же после разговора, вела деревянная винтовая лестница, и глухой стук шагов наверняка перебудил здешних обитателей. Здесь, в сокровищнице, Ког хранил некоторые вещи, которые обычные люди предпочитают не трогать, в том числе и проклятую одежду. Проклятие случается только в том случае, если с тем или иным предметом происходят несчастные события, и оно обрастает плохой аурой. Но, вместе с любым проклятием у волшебной вещицы улучшаются и свойства, и колдуны до сих пор не могут объяснить, почему так происходит. Настоящий чародей проклятия может не бояться, поскольку любая злая магия подумает, прежде чем вступить в конфликт с тем или иным человеком.

Здесь, в сокровищнице я взял комплект одежды, который всегда мечтал примерить – легкие кожаные доспехи, которые по легенде сделал кузнец-карлик, но королю Гальветеру Вирену они не приглянулись, и он приказал этого умельца ослепить и заключить под стражу. Поговаривают, что в темнице кузнец сошелся с каким-то колдуном, и тот обучил его. Карлик проклял эти доспехи, и на следующий день сын короля, одевший их, был убит заговорщиками.

Конечно, проклятие от этого моментально рассеялось, но люди, в магии не сведущие, боялись облачаться в эту кожу.

После этого я захватил пару необходимых снадобий, широкополюю шляпу (она мне показалась романтической), и, конечно, Эсториоф.

Путь был не близкий, и Ког помог мне, не теряя времени переправиться через пролив Мейзера, после чего я вскочил на одного из самых быстрых скакунов в Неллионе и поскакал в сторону Дрома.

Дорога была пыльной, Ридан не знал усталости, и, закрывая лицо рукой, я проскочил богатый горный город, и выехал на опасные дороги Хессетских гор, где, несмотря на всю мою сосредоточенность и целеустремленность не смог не заметить поющие души, призывающие помочь им, пожалеть их. Отметив про себя, что и сказки имеют свою основу, я отправился дальше, и к вечеру уже стоял в болотистой местности.

Да, как-то ночью я здесь уже бывал. Заглянув за грань, посмотрел на окружающие меня заросли камыша и осоки. Все осталось так же, как и было, какие-то кочки могли меня предать и провалиться, какие-то нет. Я бегом направился к месту, откуда исходил запах магии, запах людской магии, знал, что не успеваю, потому торопился, как мог. Вскоре я стоял у кочки, с высушенным корявым пнем. Я вытащил свиток. Он был в крови.

Под ногами ходили ходуном непрочные болотные островки, кое-где и их не было, и пришлось промочить ноги. Ридан, стоявший на краю болота, беспокоился – животные, лишённые волей Атталого возможности колдовать, очень хорошо чувствуют магию, и нет ничего удивительного в настороженности моего коня. Нужно было торопиться в Дром. Ночью через Хессетские горы ехать не хотелось – поющие души, как и все призраки, ночью опаснее, чем днем, и могли серьезно меня задержать, потому я поехал окружным путем, по большому тракту, где было безопасно и довольно часто можно было встретить королевского стража с факелом в руке. Похоже, мой спутник был рад этому обстоятельству, и мчался словно стрела, обгоняя на пути редкие торговые повозки. Я сумел добраться до города, когда только занимался рассвет, и выпил на всякий случай одно из бодрящих зелий моего учителя, чтобы иметь свежую голову после суток дороги.

Распросы привели меня к крестьянскому дому в предместьях, но оказалось, что Бленни там не живет уже больше года, и ее старые родители рассказали мне, где теперь живет их непутевая дочь.

В самой новой, верхней части города, где редко появляются уборщики, и где больше всего борделей – чуть ли не каждый второй дом, я нашел огромное поместье, к которому вела длинная каменная лесенка. Если не знать месторасположение дворца, то можно подумать, будто это и есть знаменитый замок Дрома с привидениями. Но этот дом, хоть и был выполнен в общегородском стиле, с невероятным количеством высоких узких окон и декоративных башенок, все же относился к поздней архитектуре. «Неплохо здешний градоправитель одаривает своих любовниц» – подумал я, и уверенно постучал в темную дверь.

Мне открыла старая служанка, и сердито посмотрела на мое грязное одеяние, пыльное от дорог и грязное после болота.

– Я пришел к госпоже Грал, она сейчас у себя?

– Госпожа Грал занята и никак не может вас принять, – ответила мне горничная и хотела закрыть дверь, но я ловко поставил сапог.

– Она ждет меня, – сказал я, и бесцеремонно вломился в дом.

– Кто это там, Ретта? – раздался нежный голос с дальнего конца коридора, и мне на встречу вышла красавица средних лет, которая запахивала простыню на обнаженном теле.

– Вам послание, притом срочное, – произнес я, наигранно сделав свой голос грубым.

– Что за хамство!?! Мне позвать стражу проучить тебя?

– Если ты хочешь большого количества трупов, зови, но у нас нет времени на глупые рассуждения. Вот письмо.

Она схватила свиток и жестом отправила служанку прочь из коридора. Эмоции не выдали ее ни разу за все время чтения, только однажды изящно поднялась бровь

– И что мне с этим делать? Я чиста перед законом, если кто-то решит убить меня, я найму охрану. Мне кажется, что вам, капитан, следует бежать с острова, и присоединиться к основной армии.

– Прошу прощения, но я не читал это послание. Я должен знать, зачем убегаю.

– Лоэн Гортнет, наконец, мертв. А он был единственным в совете, кто мешал Артании напасть на остров Ласса. Я думаю, что у меня хватит связей остаться на плаву, и во время войны быть агентом Артании. А вот у вас, капитан, нет.

– Сомневаюсь в вашей безопасности. Под вас копает этот ненормальный колдун, Ког. Я сумел перехватить одного из его гонцов. Он подозревает вас. И он не будет церемониться. Пока есть возможность – одевайтесь и бежим в Артанию. Мой корабль стоит на юге острова, в бухте Хестек.

– Какой корабль? Разве вы не капитан Дерег из сухопутных войск острова?

«Проклятье, проклятье, проклятье!» – пронеслось у меня в голове.

– Я имел в виду корабль моего человека. Мне пришлось предусмотреть все для побега, поскольку под меня тоже стали копать.

– Это хорошо. Только один вопрос.

– Да.

– Как вас зовут?

Я понял, что не знаю. У меня было мгновение для действия. Четким ударом я оглушил Бленни.

– Проклятье! Теперь вы поедете на мне, госпожа Грал! – Я вспомнил, как прикрывался этой фамилией... Это было в некоторой степени забавно.

Но стоило мне взять ее на плечо, как простыня сползла, оголив тело. Сначала я почувствовал, что краснею, а затем, когда собрался с мыслями, представил лица прохожих, которые бы увидели человека в пыльной одежде, несущего голую женщину на плече. Время утекало все стремительней, из-за горизонта выглянул обод и начал неминуемо догонять светило. У меня не было времени размышлять, и я завернул Бленни в ковер из ее спальни, что была на втором этаже, и выпрыгнул в окно.

Я закрепил ковер на крупе лошади, и помчался быстрее к острову Керза. Здесь сквозь болота шла одна песчаная насыпная дорога, которая, к счастью, не размокала в это время года. Так, держась недалеко от побережья, но и не ступая на берега шепчущего залива, я добрался до мыса Черон, а там нас ждала снаряженная шлюпка, которая, следуя строго на восток, доставила госпожу Грал, Ридана и меня к башне Елейхао. Единственное, что меня беспокоило, так это то, что мое лицо видела служанка, хотя откуда ей знать, куда я уехал.

Я чуть-чуть опоздал. Как не старались гребцы, мы прибыли к башне уже тогда, когда обод обогнал светило. На берегу нас ждал страшно злой Ког.

– Почему так медленно? Тебе что, уже задания дать нельзя? И что за ковер ты привез?

– Это пленница.

– Ты уверен в ее виновности?

– Абсолютно.

Ког развернул ковер, и оттуда выпала Бленни. Мужики из шлюпки расплылись в довольных ухмылках.

– А ну все вон с острова. Быстро, быстро, работа уже оплачена, больше вам нечего здесь делать, – Ког, для пушного эффекта замахнулся на них посохом.

Мы остались на берегу втроем, если не считать нардариянского скакуна, мирно шипавшего траву неподалеку. Ког потер подбородок, глядя на женщину.

– Красивая. Ты сможешь правдоподобно объяснить, почему она обнажена, или мне остаться при своих предположениях?

– Зная, какие у тебя могут быть мысли, скажу просто – когда мне пришлось ее оглушить, она была закутана в простыню, которая, видимо, потерялась по дороге.

– Поверю тебе на первый раз. Письмо с тобой?

– Да, вот оно.

– Все ясно. Посади ее в камеру номер восемь, и попроси Энес принести ей одежду. Нам предстоит сегодня вечером долгий разговор с этой госпожой. А пока можешь отдыхать, набираться сил и хитрости. Вечером будет много интересного.

– А к чему тогда вся эта спешка?

– Чтобы ты научился ценить время, – Ког довольно улыбнулся и пошел к себе в лабораторию.

До вечера я спал в комнате состояния огня. Учитель разбудил меня, когда уже стемнело, и повел в темницы.

– Говорить с ней будешь ты. Я должен научить тебя лгать так, чтобы никто не мог заподозрить этого, и ты должен придумать все, что угодно, но она не должна знать, где находится, иначе она нам ничего не скажет. Я решил, что камера номер восемь будет наиболее подходящей, в силу ее комфорта. Мы должны заставить Бленни работать на нас, а не на Артанийцев. Пусть приносит нам полезную информацию, не пропадать же без дела ее талантам.

– И что я должен ей сказать?

– Придумай что-нибудь. Учись, что называется, в боевых условиях. Только помни, что она не глава заговора, а всего лишь инструмент. И помни, я слышу каждое слово, и если что, помогу.

Мы спускались по каменным лестницам в самую комфортную тюремную камеру в мире, где стояла двуспальная кровать, горели факелы, был рабочий стол...

Энес принесла пленнице роскошную одежду – шикарное вечернее платье, обрамленное изумрудами, а также все принадлежности для того, что бы сделать вечерний туалет. К естественной красоте нашей пленнице добавилось мастерство в создании прически и нанесение на лицо всевозможной пудры.

Я зашел в камеру, также одевшись по последней моде. Ког впустил меня внутрь, и запер дверь снаружи, как мы и договаривались.

– Приветствую вас, Бленни. Похоже, вам уже не предстоит узнать капитана Дереха, уж простите.

– Никогда не мечтала заводить знакомства с недоумками. Может объясните, что все это значит? Зачем это грубое похищение? У меня неплохие покровители, и...

– Не пытайтесь мне угрожать, вы не в том положении. Хотите знать, в чем дело? Наша, так сказать, организация, против ваших нынешних действий.

– Вот как? И что же это за организация такая? Дай, угадаю, Теневой корпус гвардии короля? Давайте говорить прямо, а не ходить вокруг да около, – Бленни казалась раздраженной, и я понял, что за резкостью она прячет свой страх.

– Мы не хотим вас запугивать, но вы сами понимаете, что не оставляете нам никакого выбора. Поймите, каждый защищает интересы своих стран. Но я предлагаю не превращать все это в патриотические дискуссии – просто скажу, что мы это Инголдийская торговая кампания. И нам невыгоден конфликт между странами, закупающими у нас столько товаров, полезных в мирное время, – я старался говорить спокойно, уповая на необразованность Бленни. Она была хорошей интриганкой, но много чего не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.